

**ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
Базылевой Юлии Сергеевны
на тему: «Художественно-документальная проза В. С. Баевского»
по специальности 10.01.01 – Русская литература**

Диссертационная работа Юлии Сергеевны Базылевой представляет собой качественное и серьезно выполненное исследование. Его центр – анализ прозаического наследия выдающегося русского стиховеда, основателя смоленской литературоведческой школы, В.С. Баевского. Обращение исследователя к данному корпусу текстов логично и понятно. И заманчиво. Художественные произведения, созданные исследователями, еще явно предстоит осмыслить как литературный феномен – ср. “Noctes Petropolitanae” Л.П. Карсавина, романы и журналистика У. Эко, а в каком-то плане сочинения М.О. Гершензона, И.Л. Волгина, “Нина” А.Б. Пеньковского... Выражение в тексте пересечений исследовательской и художественной сторон в рамках единой личности ученого-филолога еще не изучено, а потому **актуальность настоящей диссертации не вызывает вопросов**. На конкретном материале – художественно-документальной прозе Баевского – Юлия Сергеевна продемонстрировала, какова она – проза исследователя. В доступе диссертанта находился архив Вадима Самойловича, корпус его печатных текстов, так что диссертация носит системный характер. Она опирается **на весьма продуманную и качественно реализованную методологическую базу**. Последняя вполне позволяет увидеть, как творчество Баевского, с одной стороны, опирается на жизненный факт / документ, с другой – встраивает последний в новое целое, роман.

Работа выполнена на высоком профессиональном уровне. (Пробелом выглядит выпадение из кругозора исследователя сборников конференций по эгодокументалистике, проводимых Л.Ф. Луцевич в Варшавском университете, работам ее учеников – И. Пиотровски, М. Лукашевич...) Задача диссертанта – описать художественно-документальную прозу В.С. Баевского, определить роль документа в ней, классифицировать данную прозу – реализована в полной мере.

Работа обладает выраженной новизной. Прозаическое наследие В.С. Баевского как единая творческая система не становилось предметом научной рецепции. Имеются разрозненные суждения литературно-критического характера, а также исследования, посвященные отдельным элементам поэтики. Соответственно, диссертант фактически вводит в научный оборот неизвестные и/или малоизученные тексты, что можно только приветствовать.

Положения, выносимые на защиту, адекватно передают основные положения и достижения диссертации. Теоретическая и практическая значимость работы прописаны содержательно.

Диссертационное исследование обладает композиционной стройностью и состоит из Введения, двух глав, Заключения и Библиографии. Такая композиция продиктована наличным материалом, так что в фокусе Юлии Сергеевны оказываются как итоговое произведение В.С. Баевского (“Роман одной жизни”), так и его малая проза.

В первой главе «Взаимодействие художественного и документального в прозе В. С. Баевского: “Роман одной жизни”» анализируется и классифицируется сложный комплекс, представленный художественной прозой, мемуаристикой, лирическими размышлениями, стихами, и формирующий ткань целого – романа. Юлия Сергеевна показывает, как крупное автобиографическое повествование реализуется отбором воспоминаний, фактов, наконец, слов. Текст организован преломлением просто факта бытия в рассказ, вхождением в жизнь авторской креативной стратегии. Юлия Сергеевна прослеживает совмещение и взаимодействие в романе Баевского разных пространственно-временных планов: «Я-тогда» и «Я-сейчас». (Наблюдения коррелируют с идеями В. Шмидта, В. Тюпы, что в центре наррации лежит отбор и выделение повторяющихся событий исторической действительности в единственное и неповторимое событие чьего-либо жизненного опыта).

Примечательно в данной главе рассуждение о соприсутствии в “Романе одной жизни” двух времен – исторического и биографического, а соответственно общественного и индивидуального бытия героя. Ощущение героем сопричастности к двум хронотопам характерно для любого человека, а для человека из СССР с его сложным взаимодействием общественного и личного особенно (ср. “Цемент” Ф. Гладкова). Однако может быть, вместо “индивидуального” лучше использовать понятие “частное” из тезауруса сентиментализма (А.В. Михайлов, “Предромантизм”). Как ни крути, а интеллигенция СССР формировала некий иной полюс по отношению к официальной номенклатуре и бюрократии... Возможно, оживление ключевой доминанты сентиментализма в интеллигентском письме (пост)советской эпохи не случайность, а отталкивание от неоклассицизма. “Баевский стремится уловить и выделить главное в творческой личности портретируемого, то есть в центре концепции личности лежит представление о нем как о человеке и как о творце (писателе, ученом общественном или культурном деятеле). Получается некий образ человека-творца, имя которого никогда не будет забыто...”

Сосредоточенность на одном “своем” авторе – это логично, особенно логично, когда произведения вводятся в научный оборот. Но перед нами роман, который носит отчетливо интертекстуальный характер. Вряд ли стоило уходить от типологических параллелей – романов Б. Пильняка, “Люди, годы, жизнь” И.

Эренбурга, может быть, “В поисках утраченного времени” М. Пруста, “Энциклопедия меланхолии” Р. Бертон (и вообще жанр энциклопедий Средних веков и раннего Нового времени).

Вторая глава «Table-talk, биографические очерки и эпистолярный в контексте художественно-документальной литературы» сконцентрирована вокруг малой прозы В.С. Баевского – набросков, описаний забавных происшествий, свидетелем или участником которых он был, рассказов близких друзей. Здесь же анализируются письма Баевского, осуществляется сопоставление эпистолярных фактов с событиями художественных произведений Вадима Соломоновича. Диссертант внимательно анализирует тексты, пытаясь “прорваться” к живому человеку, каким он был и каким его видели коллеги и современники. Интерес Юлии Сергеевны понятен: мы погружены в миры текстов, но всё же стремимся увидеть в них не поэтику, а жизнь.

Но тем не менее вопрос: а насколько В. Баевский изменяет содержание или тональность своих писем, встраивая их в роман и иные художественно-документальные произведения? “эпистолярный находит отражение в его творчестве, в первую очередь в «Романе одной жизни», а также в работах о Б.Л. Пастернаке и Д.С. Самойлове”, “Письма дополняют, а зачастую и комментируют его прозу”. Или имеет место просто цитирование? Нам не совсем хватает очерченности, как именно Баевский работает с документами, инкорпорируя их в свои тексты. Ведь к документам, эпистолярию обращались многие – например, Борис Пильняк. Правда, его документы зачастую оказываются вымышленными или серьезным образом переиначенные. Кстати, документальную основу переиначивает и Федор Михайлович Достоевский, причем в своей журналистике.

Table-Talk, непринужденная светская беседа за столом в клубе, этот английский жанр весьма интересно перенесен в советскую действительность с ее интеллигентскими кухнями. Общественные события в призме частных разговоров и впечатлений Баевского и его окружения отчетливо продемонстрированы. Показана трансформация действительности в анекдот, любовь к этому жанру в среде Вадима Соломоновича. Анекдот интересен своей персональностью и – по выражению Е. Курганова – “психологической правдивостью”.

Только возможно, что у анекдотов Вадима Соломоновича была другая сторона, обусловленная иной литературной традицией и выражающая культурный трансфер. “Дело в том, что рассказывать истории из жизни святых, – пишет Иржи Лангер [чешско-еврейский писатель], – одно из самых похвальных деяний каждого хасида. Он рассказывает о них при любых обстоятельствах: за едой, во время занятий, в поезде. И особенно – в годовщину смерти <...>. Хасидские святые словно вдохнули свою душу в легенды. <...>. Поэтому хасидские легенды с большей достоверностью рисуют характеры своих героев,

чем их поступки, совершенные в действительности, или слова, реально произнесенные” (Иржи Л. Девять врат / Пер. Н. Шульгиной. М.: Книжники, 2011. С. 71–73).

Еврейская механика письма явно не чужда Баевскому – “...глава «ШАД», – пишет Юлия Сергеевна, – посвящается «памяти Александра Львовича Дорфмана и Александра Марковича Шендеровича»”. Как же связано с ними название? Аббревиация чрезвычайно характерна для иврита, а узнавание человека по аббревиатуре его имен чрезвычайно почетно (Раши – рабби Шимон Ицхаки, Рамбам – рабби Моше бен Маймон...). Тут явно совпали имена, что позволило Вадиму Соломоновичу “разгуляться”. Д[орфман] А[лександр] Ш[ендерович] – алфавитно по-русски, но справа налево в аббревиатуре...

Естественно, как в любом исследовании, в диссертации Ю.С. Базылевой присутствуют моменты, вызывающие сомнения и замечания. “Прозу и стихи объединяет автобиографический образ, основные этапы судьбы которого можно проследить как в лирике, так и в прозе”. Стоит более аккуратно относиться к терминам, особенно к таким из них, что проделали длинный исторический путь. Ведь разве всегда стих – это лирика, а проза – не лирика? Роман Эшенбаха “Парцифаль”, трагедия “Сид” Корнеля, равно как и комедия Грибоедова “Горе от ума”, написаны в форме стиха...

Неточные формулировки бывают, конечно же, у всех. Но что мне кажется гораздо более серьезным, так это некоторая поверхностность в осмыслении понятий “документальность” и “вымысел”. “Одним из способов создания документальности у Баевского выступают многочисленные выдержки из писем, записи из дневников, а также цитаты из ряда произведений (художественная литература, научные работы)”. Если бы грань была столь проста – есть верифицируемый источник / нет такового!.. А если писатель задействует документ, но вырывает его из контекста?.. А если не совсем вырывает из контекста, но субъективно интерпретирует или активно использует монтаж?.. А где грань между субъективной интерпретацией факта и вымыслом или же даже фэйком? За каким взмахом монтажных ножниц документ потеряет свой статус?

Кажется, нарративности документа, авторским стратегиям в воспоминаниях, отбору и в этом плане вымышленности самой честной истории стоило бы уделить чуть больше внимания. А заодно проявлениям процесса романизации в “Романе одной жизни”, переходу первичных жанров письма, воспоминания, анекдота во вставной жанр нового, созданного автором-творцом целого. Впрочем, невозможно учесть всё.

Перед нами серьезная работа, в фокусе которой находится изучение, разбор и классификация наличного материала – художественно-документальных произведений Баевского. Эта задача выполнена. Качественно и скрупулезно выявлено, из чего состоит прозаический корпус Вадима Соломоновича и как он

устроен. Соответственно, наше стремление видеть чуть больше интерпретации – не более чем пожелание.

Положения, выдвинутые в диссертации, нашли достаточно полное отражение в статьях Ю.С. Базылевой, опубликованных в научных изданиях.

Автореферат диссертации всецело соответствует идеям, положениям и выводам, высказанным в диссертации.

Диссертация “Художественно-документальная проза В. С. Баевского” соответствует специальности 10.01.01 – русская литература и отвечает требованиям, указанным в пп. 9-11, 13-14 “Положения о порядке присуждения ученых степеней”, утвержденного в новой редакции постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24.09.2013 г., а его автор, Базылева Юлия Сергеевна, заслуживает искомой степени кандидата филологических наук по искомой специальности.

Официальный оппонент:
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и литературы
филологического факультета
ГОУ ВО МО «Государственный социально-
гуманитарный университет»

ПРОХОРОВ Георгий Сергеевич

Проректор по научной работе
ГОУ ВО МО «Государственный социально-
гуманитарный университет»
доктор филологических наук

ПОЛИГОВА Ирина Николаевна

Дата подписания 06.06.2022.

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

10.01.08 – Теория литературы. Текстология.

Адрес места работы:

140410, (Московская область) г. Коломна, ул. Зеленая, д. 30,

ГОУ ВО МО "Государственный социально-гуманитарный университет",
кафедра русского языка и литературы

Тел.: +7(496)615-13-30; e-mail: kaf.rus.gsgu@yandex.ru

Подпись сотрудника ГОУ ВО МО "ГСГУ"

Прохорова Георгия Сергеевича удостоверяю:

дата

